

РОМАН СОПОТОВ

ПЛЮС 1

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЛИЦАМ
МЛАДШЕ 16 ЛЕТ

Роман Сопотов

Полюс — 1

«Автор»

2026

Сопотов Р.

Полюс — 1 / Р. Сопотов — «Автор», 2026

В 1991 году эксперимент на станции «Полюс-1» разорвал ткань пространства. Советский Союз избежал распада, получив доступ к источнику бесконечной энергии. И Санитарно-Охранную Зону, где люди мутировали в нечто иное. Измененные существа превосходили бывших сограждан в силе, выносливости, а порой — и в жестокости. После серии кровавых прорывов и появления фанатичного культа «Астарот», Зона была взята под тотальный контроль нового технократического сверхгосударства - Союза Социалистических Государств. Специальный оперативный отряд проекта «Прометей» получил приказ: находить и уничтожать при обнаружении любую аномальную угрозу. Лейтенант Анастасия Игатова — командир такого отряда. Её долг — любой ценой защищать границы Союза. Её крест — пытаться спасти сестру от пробуждающейся внутри тьмы. И от старых друзей, которых она давно похоронила.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I: МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роман Сопотов

Полюс — 1

ПРОЛОГ

Кольский полуостров, главный зал НИИ «Полюс—1»
<i>25 декабря 2074 года</i><i>, </i><i>03:47</i>
b></i>

Она застыла на коленях. Сердце советской науки — главный зал НИИ «Полюс-1» — было вывернуто наизнанку. Искры с порванных кабелей медленно падали вниз, будто заменяя собой декабрьский снег, о котором этот мир давно позабыл.

Иссиня-чёрные волосы, мокрые от слёз и пота, прилипли к щекам, измазанным копотью поверх тёмно-багровых брызг. Рукав кожаной куртки, отороченной выгоревшей неон-фиолетовой нитью, свисал клочьями. Тонкие прожилки нановолокна облегающего комбинезона, ещё недавно штатно пульсировавшие глубоким фиолетовым, теперь лихорадочно мерцали: кристаллы, врезанные в ткань, были перегружены. Призванные стать дополнительным источником энергии, не дать мутации сожрать тело и разум, сейчас они лишь подсвечивали свежие, кровоточащие раны. Сапоги с выкидным шип-каблуком были покрыты копотью, грязью и запекшейся кровью. Агонизирующая подсветка подошв отбрасывала на пол судорожные тени, будто костюм сам умирал вместе с ней

Каждый её вдох был скован хриплым, сдавленным рыданием, будто комок жжёного пластика встал в горле.

— Прости меня...

Едва слышный выдох затерялся в гудящем хаосе зала. Её пальцы, дрожа, коснулись светлых волос сестры, безжизненно раскинувшейся у неё на коленях.

Это была её ошибка. Её провал. Крест, к которому она сама пригвоздила тех, кто ей доверял. Который ей теперь нести.

— Я подвела тебя... всех... вас...

Ответом на сожаление служила лишь неподвижная фигура, чьё, словно отлитое из воска, лицо озаряли кровавые блики. Они исходили от единственного источника света в этом аду — гигантского, нестабильного портала, окружённого мерцающими, впитывающими энергию алыми кристаллами, растущими прямо из бетонного пола, что разорвал положенный десятки лет назад кафель. Детище советского величия билось в агонии. Портал бесконтрольно выплёскивал энергию ядовитыми потоками. Они извивались, словно щупальца древнего зверя, наконец-то вырвавшегося из векового плена. Каждый разряд бил по остаткам сдерживающей клетки, добивая и без того мёртвую конструкцию. Ещё недавно она питала энергией весь Союз — такова была цена заточения этого монстра.

И тут до неё донеслось... нет, не звук. Не сразу. Сначала — ощущение. Ощущение присутствия. Чужого, тяжёлого, давящего. Вибрация пола донесла тяжёлые шаги — неровные, словно к ней приближался раненый и жаждущий реванша зверь. Шаги, под тяжестью которых осколки стекла на кафеле не скрипели, а превращались в мелкую пыль.

Но лейтенант Анастасия Игатова, чьё имя когда-то вселяло страх в сердца врагов союзных государств, оставалась глуха. Её мир сузился до бледного лица сестры, из уголка губ которой текла тоненькая струйка крови. И до всепоглощающего чувства вины. Боль отчаяния впибалась в виски ледяными когтями, затуманивая периферийное зрение.

Осознание наступило запоздало — в тот самый миг, когда где-то на границе сознания прозвучал щелчок, за которым тут же последовал низкочастотный писк, а тёплое, почти живое дуло пистолета упёрлось ей в затылок. Металл, ещё не остывший после недавних выстрелов, жёг кожу куда сильнее, чем любая искра.

Искажённый повреждённым войскодером механический голос пророкотал над ней — холодный и безэмоциональный:

— Хватит ныть, Игатова.

ЧАСТЬ I: МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

ГЛАВА 1

Москва, проспект Вернадского

<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>06:14</i></i>

Окраина Петрозаводска, близ КПрП СОЗ 16

<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>12:59</i></i>

— Нет! — голос Анастасии прозвучал как щелчок взведённого курка.

— Но я же могу помочь, я ведь...

— Какая именно буква в слове «нет» тебе непонятна?! — рявкнула она на младшую сестру снова, и в этом крике сквозил не гнев, но сдавленная паника.

Этот спор стал их еженедельным ритуалом, который медленно разрушал всё хорошее, что оставалось между ними. Светлана, с её проснувшимся мутировавшим под влиянием кристаллов Сребро геном, доставшимся от деда — легендарного учёного Льва Игатова, — рвалась в бой. В её мире восемнадцатилетие открывало двери не только в бары и подпольные клубы, но и в мясорубку операций СОЗ, которые Настя знала слишком хорошо — и пыталась эти двери наглухо заварить, зная истинную цену билета в один конец.

— Ты хоть понимаешь, насколько это опасно? — её вопрос повис в воздухе, пока она отточенным движением вкладывала в подмышечную кобуру тяжёлый электромагнитный пистолет. Холод металла прижался к рёбрам, став ещё одной частью её брони. — Мало похоже я посетила за эти пять лет, думаешь?

— Но мы другие, мы же... — Света отступила в проём кухни; её плечо прижалось к косяку, поза — вызов, но в глазах — надлом.

— Да «мы» можем быть хоть кем, автоматная очередь разницы не видит! Всё, разговор окончен, — жёсткой, отработанной скороговоркой, как мантру отсечения, произнесла Настя, набрасывая кожаную куртку поверх облегающего, сотканного из нановолокон костюма, где фиолетовые неоновые нити пульсировали в такт её учащённому сердцебиению. Она подошла, положила руки на плечи сестры, пытаясь пробить стену её юношеского максимализма. Неоновая подошва её высоких сапог вспыхивала при каждом шаге. — Ты и так нам помогаешь, — слова стали мягче, но в них проступала жила приказа. — Продолжай закрывать дыры в системе безопасности. Ты же наш лучший технарь.

— Я могу больше... я могу научиться и быть как ты... — попыталась вставить Света, но её мысль была грубо обрублена быстрым, сухим поцелуем в щёку — жестом, призванным заглушить протест.

— Можешь, я знаю. Ты можешь куда больше, — уголки губ Насти дрогнули в подобии улыбки. — Потому ты и не должна быть мной.

Дверь захлопнулась за ней с громким звуком. И тут же, на секунду, приоткрылась снова, образовав щель, в которую пролез последний шёпот:

— Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Да-да-да, а чего я хочу — плевать... — прошипела Светлана, как только дверь снова закрылась.

Её сжатый кулак со всей силы обрушился на стену. И на миг — всего на миг — её глаза поглотила абсолютная, бездонная, вбирающая в себя весь свет тьма — как предвестник той самой силы, которую она так отчаянно хотела выпустить наружу.

С выдохом её гнев сменился холодным, методичным принятием.

— Ладно, не может же она вечно спорить, — вновь прошептала Света в пустоту и направилась к себе в комнату.

Комната кричала о подростковом бунте: горы одежды, неубранная годами постель, разобраный дрон на столе у окна, которого Света ласково звала Кешей — в попытках превратить устройство наблюдения в домашнюю зверюшку. И на стене — выведенное неоновой краской слово «Демоны», словно жаргонное название отряда её сестры «Прометей» было её талисманом и надеждой. Ярко-оранжевый корпус терминала возле деталей дрона мерцал, как единственный живой организм в этом хаосе, заливая комнату тёплым свечением и перебивая неоновые вывески государственных корпораций, что через пламенные лозунги сулили личный статус и доступ к дефициту.

Она рухнула в кресло, на спинке которого висело оранжевое худи с длинными рукавами и капюшоном, которое Света любила натягивать на голову при каждом выходе на улицу. Пальцы уже порхали по клавиатуре, разблокируя систему. Пароль был введён рефлекторно, без участия сознания.

— Дыры латать — так дыры латать, — шёпот слился с гулом кулеров. — Может, я ещё и чего интересного в этих дырах отыщу...

Экран ожил, заливая её лицо сиянием данных. Её ярко-голубые глаза, отражающие экран, сузились. Взгляд стал острым, как скальпель.

Морозный октябрьский воздух Москвы впивался в кожу, словно сотня игл. Анастасия вышла из подъезда, и первое, что встретило её, — это не свет утра, а колючий холод, щипавший нос и щёки с отточенной жестокостью.

«Да что с этой девчонкой не так?» — мысль прошила чёрной молнией сознание девушки, пока её пальцы, движимые мышечной памятью, прочерчивали на полупрозрачном экране карманной ЭВМ чёткий, отработанный маршрут. — «Сама же видела, в какие мясорубки превращаются наши операции. Видела пустые стулья в столовой, рыдающих на похоронах жён, мужей, детей... И ничему не научилась. Ни-че-му».

«Автомобиль: Москвич-5555 Стрекоза. Государственный регистрационный номер: 8704НС. Время ожидания: ~15 минут»

Высветилось на экране кислотно-зелёным шрифтом. Девушка швырнула свою «Звезду-М» в карман куртки с таким видом, будто хоронила очередную проблему. Пальцы холода пробрались под одежду, заставив мышцы спины судорожно сжаться. Рефлекторно, почти с агрессией, она ударила костяшками пальцев по термобраслету на запястье. Тело обдало волной искусственного тепла, словно изнутри ввели дозу жидкого солнца. Как бы Настя ни презирала свою работу в «Сфере», отрицать плюсы было глупо — доступ к прототипам, которые превращали ежедневную рутину вроде ожидания такси в нечто сносное.

Хотя «презирала» — не то слово... Ей нравилось помогать — и людям здесь, и мутантам за границей СОЗ. Единственное, что её пугало и заставляло ненавидеть саму себя, — цена, измерявшаяся жизнями солдат, выполнявших её приказы. Приказы, которые она имела право отдавать благодаря должности, доставшейся от деда. И которую она чуть не потеряла из-за отца.

Пальцы нащупали в другом кармане спасительную, чуть помятую пачку «Беломора». Потёртая стальная зажигалка — наследство Льва Игатова — ответила скупым чирком кремния. Первая затяжка обожгла лёгкие, став едким бальзамом для израненных нервов. Она откинулась на холодную бетонную стену, позволив векам сомкнуться, и выдохнула сизый дым,

пытаясь вместе с ним выплюнуть и ком тревоги, застрявший в горле. Даже сквозь сомкнутые веки её глаза прожигал неон, не давая отвлечься от навязчивых мыслей.

«*ПОМОЖЕМ ИНТЕГРАЦИИ НОВЫХ НАРОДОВ ВМЕСТЕ!*» — гласила гигантская голограмма, самая яркая среди бесконечного рекламного неона, плывущая в сером, подёрнутом смогом небе между вершинами сталинских высоток. Под ней парила троица иконок: девушка-воркша с фигурой тяжелоатлета и багровой, будто обожжённой кожей; приземистый греблин цвета болотной тины; и долговязый лиец цвета полированной меди с неестественно-фиалковыми глазами. Два мутанта, некогда бывших людьми — продукт Энергетического Выброса на Кольском. И пришелец из другого мира, если верить легендам лийцев.

«*Уже больше восьмидесяти лет, как помогают...*» — горькая усмешка сорвалась с губ вместе с густым сизым клубом.

Взгляд Насти проводил бесшумный аэромобиль патрульной службы, скользнувший над рекламным щитом.

«*Вот бы их и правда интегрировали, а не использовали как пушечное мясо для корпоративных войн в странах третьего мира под дудку НАТОвцев. Хотя... они сами на это подписываются.*»

Она сделала ещё одну глубокую затяжку. Кончик папиросы вспыхнул во мраке утра. Этот тусклый красный огонёк всегда напоминал ей о рассказах деда. О том, как в день референдума, в 1991 году, Эдуард Белов, своим провальным экспериментом залил страну чужой энергией, сохранив распадающийся Союз ценой катастрофы. По крайней мере именно так об этом ей рассказывал отец.

А после 97-го...

Морозный ветер мазнул по щеке, и Настя поёжилась, вспомнив другой холод. Тот, что прозвали «Белым Хладом». Провальная операция НАТО привела к потоку разумных мутантов из Зоны... И люди встретили их не плакатами, а свинцом. «Прометей», тогда смогли наладить хрупкий союз между ССГ и Древом Красноокой — первой коммуной разумных мутантов, но его хрупкость осталась неизменно до сих пор.

Настя стряхнула пепел, уставившись на обнажившееся, раскалённое нутро сигареты. Точно такой же пульсирующий, жуткий цвет. Цвет артериальной крови.

Именно такими были глаза Карины — бессменного лидера коммуны. Женщины с кожей белее снега и пугающей, неподвластной времени красотой. Когда-то Настя часто гостила у неё вместе с другими, такими же как она. Её обучали контролировать свои силы. Теперь лишь тлеющий красный уголёк очередной сигареты подкидывал в сознание тот немигающий, усталый, но полный невысказанной теплоты взгляд.

Раздумья прервал скрип шин. К тротуару, пыхтя, подкатила «Стрекоза» цвета утренней слякоти. Из окна высунулось лицо водителя, испещрённое морщинами, как карта бывлых маршрутов.

— Доброе утро, девушка! Вы такси заказывали? — голос у него был сиплый, но добродушный, голос из почти что забытого прошлого.

Настя выдавила улыбку — профессиональную и безжизненную.

— Доброе. Да. — Она скользнула на заднее сиденье, наблюдая, как он тыкает толстыми пальцами во встроенный в бортовую панель потёртый сенсорный экран, отмечая посадку.

— Ого, «Сфера»! — старик присвистнул, снимая машину с ручника. — Давненько таких заказов не было! Работаете там? И как у нас дела, страна в безопасности?

— Можете спать спокойно, — голос Анастасии звучал ровно, отработанной скороговоркой, от которой в горле вставал привкус желчи. — Никаких проблем в СОЗ не наблюдается.

— Это хорошо. А то, помнится, когда я был мелким ещё...

Настя слушала его воспоминания вполуха, кивая в такт покачиваниям машины. Её лицо было маской вежливого внимания, но внутри, словно на заблокированной частоте, эхом звучала её же собственная — отработанная, гулкая, пустая — ложь:

«Никаких проблем в СОЗ не наблюдается».

«Цок. Цок. Цок.»

Острые каблуки Татьяны Вихровой высекали из бетонного пола призрачные искры. Они отбивали чёткий, неумолимый ритм, заглушаемый лишь гудящей тишиной общежития на окраине Петрозаводска. Воздух был спёртым и холодным, пахнувшим пылью, поражённой плесенью, и тоской. Тусклые лампы под потолком бились в нервной аритмии, отбрасывая на облезшие стены прыгающие тени. Всё вокруг тонуло в больнично-зелёном мареве.

«439», «440», «441», «442»...

Её внутренний монолог был таким же размеренным и безжалостным, как и её шаги. Взгляд холодных синих глаз скользил по пронумерованным дверям, подсвеченным дешёвыми неоновыми трубками, чьё угасающее свечение напоминало фосфоресцирующий трупный свет.

«446», «447»...

Когда-то это пятиэтажное типовое здание должно было стать домом для «интегрируемых рас» — мутантов, порождённых Выбросом. Теперь это был перевалочный пункт для отбросов и контрабандистов, охотников за удачей в Санитарно-Охранной Зоне. Незаконный промысел высоко ценился на чёрных рынках прозападных корпоративных держав. Мутировавшая флора СОЗ могла стать как лекарством, так и орудием устранения в бесконечной войне за капитал.

«449», «450»...

Конечно, и в ССГ корпорации пытались отжать как можно больше власти у правительства, особенно после того, как им удалось подмять под себя часть госаппарата, например энергетики. Но ЦК, пока что, умудрялось не давать их жадности разгуляться полностью внутри Союзных Республик и перенаправлять её на ослабление конкурентов на рынках остального мира.

«451».

Татьяна остановилась. Резкость её движений сменилась внезапной, абсолютной статикой. Из-под балахона, напоминающего стилизованное кимоно, донёсся тихий звон — кунай на её поясе звякнул, когда она повернулась к двери.

Девушка не стала стучать. Резким движением она толкнула дверь, и та с скрипом отворилась, впуская её.

Комната была погружена в полумрак, освещённый лишь одинокой лампой под потолком, от которой на стены падала жёлтая, уставшая тень. На краю односпальной кровати, справа, сидел мужчина. Его торс был обнажён, открывая ландшафт изуродованной плоти — левая половина тела представляла собой паутину багровых рубцов и обожжённой кожи. Его пальцы, будто автономные механизмы, с отточенной, методичной точностью ввинчивали в затворную раму калиброванную пружину. Это был старый «Макаров» его отца, модифицированный под современный электромагнитный патрон. Гравировка на его корпусе стёрта до блеска в местах частого касания. Пистолет лежал в разобранном виде, как ритуальный труп.

— А тебя, я смотрю, вопросы конспирации вообще не волнуют? — её голос прозвучал резко, разрезая гнетущую тишину.

— Твои шаги я отличу от чьих угодно, — холодно ответил Николай. — А уж чужак точно не успеет даже руку поднять.

Татьяна фыркнула, стянув с себя балахон и бросив его на свою кровать напротив. Под ним оказался плотный, облегающий тело костюм из чёрного как смоль нановолокна, инкрустированный кристаллами Сребро, мерцавшими тусклым зелёным светом.

— Чужак эту дверь вынесет с косяком, а за ней последуют и твои мозги. Прямо вот на эту стену. Впрочем... — она усмехнулась, переводя взгляд на сводного по отцовской линии брата. — Никаких несовместимых с жизнью травм тебе нанесено не будет.

— У тебя получилось? — прозвучал голос Николая; он, проигнорировав её язвительность, поднял на сестру взгляд. Его левый глаз был покрыт бельмом катаракты, мертвенно-белым на фоне обугленной кожи. Когда-то чёрный, как уголь, теперь он был слепым и безжизненным.

Таня скривила губы в гримасе, уселась на кровать и, порывшись в кармане балахона, извлекла оттуда несколько миниатюрных накопителей, завернутых в шуршащий чёрный пакет. Движением, от которого в воздухе остался смазанный чёрный след, она швырнула свёрток на кровать к брату.

— Всё, что смогла выцарапать из серверов «Сферы». Но, как я и предупреждала, мы опоздали: у них появился новый технарь. Латает дыры быстрее, чем я их нахожу. Интересно, откуда они его выкопали... В базах инфы на него — ноль, словно за ним кто-то подчищает.

— Главное, чтобы там была зацепка по Ковалевским, — не отрываясь от сборки пистолета, пробормотал Николай.

— Да когда ты уже перестанешь на них заикливаться? — взорвалась Таня, вскакивая с кровати. — Отец провалил операцию, это его одержимость всё похерила! Из-за него Олю найти не могут уже столько...

Николай резко поднял голову; его единственный живой глаз сузился.

— Да, «Прометей» всё ещё ищет её, — бросила она, отвечая на его немой вопрос.

— А мы найдём.

— Найдём? — Таня с силой пнула ножку кровати, отчего та проскрежетала по полу, и девушка принялась ходить кругами по комнате. — Госкорпорация не может найти человека, а мы найдём? Как? Пешочком прошерстим весь Союз? — голос Тани сорвался на крик, и горло тут же сжалось спазмом, заставив её сглотнуть ком ярости. — Без Оли, чтобы мы там не нашли в Ленинграде, просто мусор! — выкрикнула Таня. — Нолики и единицы, слышал о них? И только её ген сможет собрать их во что-то читаемое! — Тана на секунду замолкла, глубоко вздохнув, успокаиваясь, — Ты действительно думаешь, «Прометей» не расшифровал бы уже данные? Зачем вообще они изображают бурную видимость её поисков, если они и так раскололи шифр? Ах да, я и забыла... — Таня остановилась напротив брата. — Они же Демоны. Сидят и потирают лапки, тратя кучу ресурсов, лишь бы насолить чете Вихровых, лишь бы их обмануть! Да они бы давно уже пустили разработки Ковалевской в дело!

— Заткнись, — сказал он; его голос не повысился, но в нём зазвенел металл, перерубающий любые возражения. — Я прекрасно знаю, на что способны эти ублюдки из «Прометей». И я каждый день напоминаю себе об этом, глядя в зеркало. Они всегда бьют в спину. — Он уставился на сестру; взгляд его единственного живого глаза был пустым и остекленевшим, будто он смотрел сквозь неё на тот самый огонь, что жёг его изнутри.

Татьяна лишь махнула рукой и откинулась на скрипучую койку, закрыв глаза. Этот спор был старым и бесплодным. Она смотрела на его искажённое яростью лицо и не видела в нём мальчика из той утопии, что пыталась построить их бабка. Всё это сгорело в том же огне, что оставило шрамы на его коже. Она с силой сжала веки, пытаясь выдавить образ подруги и наставника, вечно чем-то занятой Ольги Ковалевской, и её место заняла Настя — такая же обожжённая, как и её брат, только изнутри.

Коля видел лишь один путь — узкий и выжженный, как шрам на его коже. А Таня? Таня не видела в Насте предателя, лишь ещё одну обожжённую душу в этой вечной войне. Но спорить с братом было всё равно, что водить лезвием по его рубцам. Бесполезно. Больно.

И не ему одному.

ГЛАВА 2

Москва, проспект Вернадского

<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>11:12</i></i>

Зал совещаний, НИИ «Сфера», Голицыно-2

<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>16:07</i></i>

Кольская СОЗ, «Древо Памяти»

<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>18:15</i></i>

Усталость, плотная, как техногенный смог, навалилась на Свету, едва она откинулась в кресле. Очередной бессмысленный спор с сестрой с утра пораньше вызвал тошнотворную волну досады. И будто в насмешку, на сеть «Прометея» обрушился шквал.

Атаки случались и раньше. Но эта была иной — животной, безразборной, слепой в своей ярости. Кто-то на том конце провода вывернул наизнанку весь свой арсенал, не целясь, просто пытаясь разодрать электронные заслоны в клочья.

«Скорее, группа, — промелькнуло у неё. — Один человек не может быть настолько... разносторонне опасен».

Кое-что, конечно, утекло. Но Свету это волновало меньше всего. Те, кто украл данные по Объединённым лабораториям Ковалевской, всё равно упрутся в глухую стену. Под конец жизни Виктория Ковалевская, великий учёный и жертва собственного гения, зашифровала все архивы ключ-паролем, сгенерированным на основе её уникального, мутировавшего генома. Взломать это было всё равно что подделать отпечаток души.

«М-да... — мысленно выдохнула Света, прикрывая веки, под которыми плясали остаточные изображения строк кода. — Призраки прошлого наступают в самый идиотский момент».

Желудок предательски заурчал, напоминая о пропущенном завтраке. Со вздохом она поднялась и, волоча ноги, направилась на кухню. Дверца холодильника открылась с тихим щелчком, обнажив стерильно белые, сияющие и пустые внутренности. Там было настолько пусто, что можно было бы констатировать факт добровольного ухода из жизни последней мыши.

— Вот же ж... — прошипела она, захлопывая дверцу. — Два сапога пара. Что Настя не может закупиться, что я вечно забываю. Пока желудок революцию не объявит.

Решение пришло мгновенно. Развернувшись со скоростью, которая могла бы посоревноваться с рефлексамы её сестры, Света ринулась обратно в комнату и схватила своё оранжевое худи — личный скафандр от окружающей действительности. Голод, в отличие от абстрактных призраков прошлого, был тираном куда более осязаемым, и с ним нужно было разобраться.

Улица встретила её не объятиями, а плевком ледяной воды в лицо. Никакого тебе пушистого снега из бабушкиных сказок про двадцатый век — только вечная промозглая слякоть и бесконечный ливень, ставшие нормой из-за Кольского разлома.

И хотя гигантский «насос» на севере качал безграничную энергию, обеспечивая Союзу мировую монополию, на эту климатическую язву государство отреагировало в лучших традициях дикого капитализма: тотальным кризисом и взлётом цен на всё, что можно было съесть или надеть.

«Ну конечно, именно сегодня, — мысленно рыкнула Света, кутаясь в капюшон. — Красота».

Её путь пролегал мимо огромного, светящегося даже в сером дневном свете голографического щита. На нём улыбающиеся колхозницы в прозрачных дождевиках собирали неестественно яркие овощи под залитым искусственным солнцем куполом агрокомбината «Северный-1». Слоган гласил:

«СВОЁ, РОДНОЕ, СОЮЗНОЕ! Наше сельское хозяйство не знает кризисов!»

«Знает, ещё как знает, — ядовито подумала Света, ускоряя шаг. — Особенно когда паёк "комбинированный 3" стоит, как крыло дрона».

Чуть дальше, на торце хрущёвки, плакат постарее, но не менее яркий, восхвалял другую победу:

«ЭНЕРГИЯ БУДУЩЕГО — УЖЕ СЕГОДНЯ! Портал "Полюс-1"
— свет и тепло наших домов!»

На рисунке стилизованный луч энергии из портала вписывался в серп и молот.

Именно эти два образа — насильственное изобилие и техногенное величие — и определяли жизнь.

А сегодня ещё и с каждого второго фасада кричал праздничный кумач, переведённый в цифру.

«29 октября — День Интегрированного Комсомола! Молодая энергия — на благо ССГ!»

Пшеница, рожь, как и остальная древняя агрокультурная братия, всё это стало дефицитом. Но Союз, ставший энергетическим гигантом благодаря «насосам», качающим энергию из самого сердца аномалии, не сдался. С привычным для ЦК размахом он вбухал миллиарды в те самые агрокомбинаты за Полярным кругом и синти-фермы, где еду для народа растили под люминесцентными лампами, как показывали на том щите. Только вот на выходе получался не яркий овощ, а серая масса — такая же питательная, как и безвкусная.

«Вырастили, блин, безвкусную синтетику за полсотни рублей, — скептически хмыкнула она про себя, подныривая под навес над тротуаром. Вода с него лилась сплошной завесой. — На энергию из портала цены бы так не задирали ещё...»

Пробежка до круглосуточного «СоюзПита» превратилась в спринтерский забег с препятствиями. Она виртуозно петляла между лужами, похожими на мини-озёра, и чуть не поскользнулась на намёрзшей на асфальте ледяной корке. Какой-то дед в прорезиненном плаще — с виду ветеран ещё тех, первых энергетических войн — стоял под крышей и с тоской смотрел в хмурое небо, держась металлической рукой за стену.

— Держись, дед! — крикнула ему Света на бегу, не сбавляя темпа. — Говорят, в Антарктиде бананы уже вызревают! Может, и до нас дойдёт!

Она не услышала ответа, но ей почудилось, что он фыркнул.

Ворвавшись под слабо мигающий неон вывески «СоюзПит», она отряхнулась, как мокрая собака, скинула капюшон и тут же уставилась на витрину.

— Серёга, ты как с такими ценами людей не боишься? — громко возмутилась она, увидев за прилавком знакомого парня. — «Борщ синти-мясной» — двадцать пять рублей! Да за эти деньги он сам должен меня до дома донести!

Сергей вздрогнул и вытянулся по стойке «смирно». При виде Светы его лицо озарилось — не глупой улыбкой, а каким-то незаслуженно тёплым, внимательным выражением, от кото-

рого у Светы внутри всё ёкнуло со смешанным чувством досады и чего-то ещё, в чём она сама боялась признаться.

— Света! Привет! — он засеменил на месте, беспомощно отирая руки о засаленный фартук. — Это... это не мы, это выше план спускают. Сам в шоке. Но для тебя... я всегда могу найти что-то посвежее.

«Очередная его блажь, — тут же отрезала себя Света мысленно. — Сейчас не до этого. Совсем не до этого».

Она уже собралась заказать две сосиски в тесте, но перед этим рефлексивно глянула на баланс в карманном ЭВМ. Цифры заставили её поморщиться.

«А, точно...»

Те новые конденсаторы для Кеша. Настя, конечно, принесла бы денег... Но Свете признаваться, на что та спускает половину своей зарплаты, не хотелось. Не до нравоучений.

— Ладно... — вздохнула она, меняя план на ходу. — Давай тогда один «борщ синти-мясной» и одну сосиску в тесте.

Сергей на секунду замер, его взгляд скользнул от экрана с заказом к ней, но промолчал. Он лишь кивнул и принялся собирать заказ.

— Как дела-то? Давно не заходила. Всё в своих... цифрах? — спросил он, стараясь заполнить паузу.

— Ага, — буркнула Света, избегая его взгляда и наблюдая за потоками воды за стеклом. — Сижу, дыры в защите латаю.

— Здорово, — с неподдельным, хоть и наивным восхищением произнёс он, протягивая ей пакет. — У тебя всегда всё получается.

«Всё, да не всё, — горько мелькнуло у неё в голове, пока она прикладывала карманный ЭВМ к терминалу для оплаты. — Ни черта у меня не получается, Серёж».

— Спасибо. Не болей тут. И там тоже не болей.

— Ага... Заходи, если что!

Его голос прозвучал чуть тоскливо, но Света уже была на выходе, сжимая в руке тёплый, хоть и отдающий химической тоской, обед. Мысли о хакерской атаке, о сестре, о пустом холодильнике и о том дурацком, предательском тепле в глазах Сергея смешались в один сплошной комок. Не злости на этот раз, а тяжёлой, невысказанной усталости. И где-то на задворках сознания, за всем этим шумом, тихо скреблась мысль: а что, если эта атака была не слепой яростью, а прикрытием? Прикрытием для чего-то одного, маленького и очень важного, что она могла пропустить?

Вот с чем разбираться надо. А все эти взгляды и вздохи... пусть подождут. До лучших времён. Если они, конечно, настанут.

— ...Следовательно, поскольку ни одна из посланных групп не вернулась, я настаиваю на прекращении попыток исследования аномалии живыми силами, — голос Марии Яцевой был холоден и точен, как скальпель на столе патологоанатома. Он рассекал спёртый воздух зала, насквозь пропитанный запахом старого пластика, дерева и страха перед принятием решений. — Все ресурсы следует перенаправить на дистанционное изучение природы излучения, исходящего из эпицентра — аномалии «Полюс-1». Что касается неподтверждённых слухов о возвращении Эдуарда Белова из портала... Их невозможно проверить. Сам объект недоступен для опроса, а документы о его, предполагаемо, настоящей личности — «Эдвине Блэке» — утеряны.

«Конечно, недоступен, — вспыхнуло в сознании Анастасии, словно сигнал тревоги, пока она слушала доклад. — Нестареющий дед растворился в дымке почти полвека назад, прихватив с собой все ответы».

— Генетика лийцев радикально отличается от человеческой. И даже это не гарантирует им безопасность. Все восемь исследовательских миссий с их добровольцами также закончились безрезультатно. Никто не вернулся.

— Природу излучения изучили ещё ваши предшественники, товарищ Яцева, — раздался механический скрежет, выдававший голос министра обороны Жаркова. Его голографическое изображение, проецируемое потолочным устройством, сидело за столом как живое. Лицо было искажено не столько гримасой раздражения, сколько грубыми оптическими аугментациями. — А тот факт, что группы не возвращаются, лишь подтверждает наличие внешней угрозы. Мы не можем позволить себе игнорировать это.

— Будьте реалистом, Анатолий Сергеевич, — отмахнулся советник по энергетике Утробов. Его голограмма сидела рядом и мерцала, словно от дурного соединения. — Культ был уничтожен пол века назад, это не могут...

— Вам мало пяти лет непрекращающихся терактов так называемого культа Астарот по всем границам СОЗ?! — вспыхнул Жарков. Его пиксельное лицо на мгновение поплыло, распадаясь на помехи, а голос, передаваемый динамиками под столом, исказился металлическим скрежетом. — Если вы так переживаете за свою зону влияния, попереживайте и об убытках, которые они несут!

— Культ Астарот — уничтожен, а это — не более чем подражатели! Я не говорю, что они не угроза. Но и бросать все силы на их устранение, по меньшей мере, глупо. — парировал Утробов.

— Кто говорит о «всех силах»?! Кроме того...

Яцева едва заметно закатила глаза, бросив взгляд на Анастасию. Её тёмно-красные радужки говорили красноречивее любых слов: *«Опять они за своё. Цирк с конями.»*

— Товарищи!

Анастасия поднялась с места. Её движение было резким, словно сработала спусковая пружина. Кулак, сжатый в комок ярости, она с силой — и неестественной для обычного человека скоростью — обрушила на полированную столешницу. За миг до удара костяшки пальцев окутала фиолетовая дымка — сгусток чистой энергии, тут же исчезнувший, будто впитавшийся в лёгкую паутинку трещин, оставшихся на блестящей поверхности. Голограммы корпоративных чиновников вздрогнули и покрылись рябью, их цифровые лики исказились в немой гримасе помех.

— Предлагаю вернуться к повестке! Я поддерживаю предложение Яцевой. Мы не можем позволить себе терять больше людей. Сколько ещё жизней нужно отправить в мясорубку, чтобы в ЦК это наконец дошло? Тридцать? Сорок? Или все сто сорок?

— Не забывайте, Игатова! — ярость Жаркова теперь была целиком направлена на неё. — То, что ваш дед на пару с Беловым собрали свой преобразователь, не даёт вам права...

— Это право дают мне семьдесят девять писем с соболезнованиями, товарищ министр, — её голос стал тише, но, вместе с этим, твёрже. Каждое слово было отчеканено, как патрон. — И то, что в этих похоронках не стояло ни вашей фамилии, ни чьей-либо ещё из ЦК.

Она сделала паузу, и когда заговорила вновь, её голос стал низким, шипящим, будто у змеи, готовой вцепиться в глотку. Это был звук предельной усталости — от повторения одного и того же.

— Я готова подписать приказ на ещё одну группу. Возглавьте её лично, Анатолий Сергеевич. Или, если возраст не позволяет, пусть ваши дети займут это место. В первом ряду. Пускай увидятся с теми, кого я уже отправила в эту мясорубку. Уверена, они будут рады такому пополнению.

Взгляд немигающих зелёных глаз, холодный и острый, казалось, прожигал дыру в полупрозрачных фигурах чиновников.

— А что до преобразователя... Если бы не мой, как вы изволили выразиться, «дед на пару с Беловым», вам бы не пришлось считать убытки от террористических атак возле границы СОЗ. Потому что не было бы и астрономической прибыли от портальной энергии, не так ли? Так что не читайте мне лекций о моих правах.

Она села, откинувшись на спинку кресла. Со стороны это выглядело как спокойствие, но под столом её пальцы всё ещё дрожали, разряжая остатки адреналина. Возражений не последовало — только гул проекторов и тягостное молчание.

— Потому я согласна с Марией Артёмовной, — продолжила Настя. Голос её вновь обрёл оперативный тон. — Её отдел переводится в режим лабораторных работ. Подробное исследование излучения, кристаллов «Серебро» и проблемы отторжения аугментаций на их основе — наш приоритет. Мой отдел займётся полевым сбором информации в СОЗ. Я не верю, что мы единственные, кто пытался пройти по ту сторону портала. Этот культ... правдивы ли слухи о них или нет, но террористические атаки — реальны, и с ними нужно покончить.

Карина стояла неподвижно под сенью Древа — исполина с корой цвета запёкшейся крови и листьями, белыми, словно саван, сотканный из света. Очередной каприз Санитарной Зоны. Но в отличие от её чудовищ, пожиравших плоть и рассудок, это место дарило покой. Тишина здесь была не пустотой, а густой, тёплой субстанцией, будто воздух сам хранил воспоминания.

Пальцы Карины, длинные и бледные, скользнули по узору на коре — замысловатому сплетению линий, дублировавшему шрам на её груди. Давящая мигрень, неделями грызшая виски, наконец отступила. Она впервые за день позволила себе вдохнуть — медленно, до конца.

— Как вы, госпожа?

Голос, донёсшийся позади Карины, будто возник из самой тишины. Элеонора — лийка с кожей полированной меди и белыми, как лунный свет, волосами — стояла в нескольких шагах. Её глаза цвета морской волны смотрели настороженно, но мягко.

— В последнее время вы выглядите измотанной.

— Подаренные годы берут своё, Элеонора, — ответила Карина, не оборачиваясь. В её голосе звучала усталость, застывшая во времени.

Молчание снова наполнило пространство. Лишь белые листья шептали над головой — как эхо ещё не наступившего будущего.

— Я принесла то, о чём вы просили, — наконец сказала Элеонора.

— «Прометей» не против твоих визитов? — Карина повернулась. Её глаза, алые, как свежая кровь, встретились с глазами девушки.

— Мария и Анастасия не просто не против. Они настаивают. Кажется... для них это важно.

— Важно... — губы Карины дрогнули в тени улыбки. — Однако сами, за все эти годы, так и не нашли времени навестить старую знакомую своих предков.

— Вы знаете их обстоятельства, госпожа, — мягко, но с непреклонностью в голосе ответила лийка.

— Конечно, знаю. — Взгляд Карины потускнел, утонул в прошлом. — Четыре семьи: Игатовы, Вихровы, Ковалевские, Яцёвы... вместе строили будущее, пытаясь спасти умирающий мир. Но благие намерения...

— Всего не предугадать, — тихо сказала Элеонора.

Карина кивнула в сторону поселения. Над частоколом, увенчанным колючими проволоками, поднимались клубы пара, а внизу кипела жизнь. Мускулистые ворки и греблины трудились бок о бок: одни раскалывали брёвна, другие ворочали бочки с провизией. Женщины,

краснокожие и серозелёные, хлопотали у печей-каменок. В воздухе стоял густой аромат дыма и сладких трав, перемешанный с запахом жареного мяса.

— Готовитесь к празднику? — спросила Элеонора.

— Для них — праздник. Для меня — ритуал выживания, — ровно ответила Карина. — Потому я и просила доставить посылку сегодня.

Они подошли к её дому — такому же бревенчатому, как остальные, но от него веяло особой, почти сакральной тишиной. У калитки стояла коробка из карбона с логотипом «Прометей» — стилизованной рукой, сжимающей факел.

Карина задержала взгляд на символе.

— Никогда не понимала, почему Лев выбрал именно это имя, — прошептала она. — Прометей даровал людям огонь. А не агонию, что пришла вместе с ним.

— Благие намерения, госпожа, — тихо напомнила Элеонора.

— Да... Сама сказала же, — с горечью усмехнулась Карина и подняла коробку. — Задержишься? Дети скучали по своим «урокам истории».

— Конечно, — улыбнулась лийка.

— Тогда пойдём. Отдохнёшь с дороги, — голос Карины стал мягче. — И, может, всё же попробуешь звать меня просто по имени. Разница у нас уже не столь велика.

Изморозь хрустела под каблуками, как хрупкие кости мелких тварей. Из распахнутой двери дохнуло теплом и паром.

— Я... не знаю, К-Карина, — запнулась Элеонора, преодолевая привычную дистанцию. — Ты всегда была достойна почтения. Немногие смогли бы выковать народ из хаоса.

— Как и немногие способны вырастить из детей титанов, — тихо ответила Карина.

— Не уверена, что справилась, — грусть мелькнула в голосе лийки. Она подошла к печи и привычно занялась чаем.

Ритуал, которому научила её Карина, приютившая первых прибывших в этот мир лийцев. И которому она сама научилась лишь в 1989, когда приехала из Америки в разваливающийся Советский Союз.

— Ты дала им честь, долг, достоинство, — сказала Карина твёрдо. — А то, что мир превратил это в оружие, — не твоя вина. Это вина того, кто умеет играть с чистыми сердцами.

— Олю так и не нашли, — тихо произнесла Элеонора.

— Знаю, милая. — Взгляд Карины затуманился. — Искала и я. После взрыва в её корпорации... она исчезла. Словно её и не было.

Чайник взвыл, нарушая тишину. Элеонора разлила кипяток по старинным чашкам.

— Спасибо, — сказала Карина, делая глоток. На мраморных губах дрогнула едва заметная улыбка. — Они выросли сильными. Пусть дороги их разошлись, пусть стали врагами, — но не согнулись. Это твоя заслуга.

— Не этого я хотела...

— Людьюми легко играть. Нам просто не повезло, что наш старый друг стал в этом виртуозом.

— Вы всё ещё считаете, что Белов...? — голос Элеоноры дрогнул.

Карина молчала.

«Братец... мой дорогой братец, — холодно прошептала мысль. — Ты подарил мне вечную жизнь в аду. Ты сжёг свой мир и построил на пепле этот.»

Никто не должен был знать, что американец Эдвин Блэк, советский учёный Эдуард Белов — её брат. Что именно он, в 1991-м, даровал ей вечную молодость и вечный голод, а человечеству — новую энергию. Эта тайна была её проклятием и щитом.

Карина отставила чашку и поднялась. В её руке блеснуло лезвие. Один плавный взмах — и печати «Прометея» разошлись. Из коробки она достала прозрачный пакет, наполненный

густой алой субстанцией. Не лекарство. Не артефакт. Еда. Единственное, что могло утолить голод, вложенный в неё братом.

Карина посмотрела на содержимое. Тёмные глаза сливались с цветом крови.

— Ублюдок... — тихо прошептала она. — Ублюдок, сотворивший со мной это.

ГЛАВА 3

Лабораторный комплекс, НИИ «Сфера», Голицыно-2
<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>19:56</i></i>

Старый аэропорт Петрозаводска
<i>29 октября 2074 года</i><i>, </i><i>23:12</i></i>

Москва, проспект Вернадского
<i>30 октября 2074 года</i><i>, </i><i>01:01</i></i>

Стекло, сталь и вымороженный воздух — таким был мир внутри «Сферы».

Коридоры института напоминали аорты живого организма, по которым текла стерильная энергия света. Люминесцентные лампы гудели под потолком, отражаясь в безупречно отполированных полах, где даже шаг казался преступлением против порядка.

За прозрачными стенами лабораторий, как диковинные рыбы в аквариуме, двигались учёные. В одних кабинетах мужчины и женщины в белоснежных халатах — таких же безликих, как и они сами, — обменивались короткими, рублеными фразами, синхронно занося данные в терминалы. В других — сосредоточенные, словно юные фанатики, препарировали свежие прототипы: кибернетические импланты, что так и не прижились в человеческих телах; пульсирующее энергией «Серебро» оружие; и более прозаичные, но жизненно необходимые в поле приборы.

Одним из них был термобраслет, как на запястье Насти — её личный карманный костёр в этом холодном, вечно-дождливом мире.

Конечно, Голицынский филиал не мог сравниться с экспериментальными мощностями Ленинградского отделения «Сферы», но здесь шёл процесс не менее важный — тестирование. Там рождались идеи. Здесь — проверялась жизнь.

— Я уже на пределе, честно, — голос Анастасии прозвучал приглушённо, но каждое слово вбивалось как гвоздь. — Этим корпоративным червям... Выдать бы по «калашу» девяносто седьмой модели да отправить под Варзугу. Пусть от банд мутантов город чистят — глядишь, и отчёты их станут короче, а содержание — ближе к реальности.

— Этих-то? — Мария Яцева коротко хмыкнула. Её глаза, с тёмно-красными, как запёкшаяся кровь, радужками, скользнули по Насте. — Разве что Жарков ещё помнит, с какого конца автомат держать. А вот Утробов уверена, при виде первого аугментированного после Австралии ворка... Да он не вспомнит даже собственный пароль от корпоративной сети.

— В гробу я видала всю эту бюрократическую карусель, — выдохнула Анастасия, остановившись перед дверью с табличкой:

84. ВЕДУЩИЙ ИНЖЕНЕР. ЯЦЕВА МАРИЯ АРТЁМОВНА.

Усталость накатывала волной, тяжёлой и липкой, обещая утянуть на дно.

— Так, хватит себя накручивать, — Мария толкнула дверь, жестом приглашая подругу внутрь. — Тебе нужна передышка. Может, со Светкой в Крым махнёте? Говорят, на Новый год там что-то эдакое готовят.

— Не до отдыха, Маш, — губы Насти дрогнули в подобии улыбки: тусклой, как гаснущая неоновая вывеска. Она ценила эту заботу, как слепой ценит луч солнца — чувствуя тепло, но не видя света. — Эти взрывы... Детский дом в Сыктывкаре. Слышала?

— Слышала, — Мария опустила за стол, заваленный чертежами и отчётами. Её пальцы коснулись стопки бумаг, но не подняли их. — Элеонора рассказывала. Тебе надо было видеть её в тот день.

Перед внутренним взором Насти всплыло лицо лийки — Элеоноры. Кожа, словно полированная медь, спокойная улыбка, которую они знали с детства. Она души не чаяла в каждом из этих детей, любила как собственных.

Как она смогла пережить это, не сломавшись?

— Как она вообще держится? — спросила Настя, опускаясь на старый кожаный диван. Вопрос был риторическим — таких вопросов в этом мире было слишком много.

— А она и не сломается, — Мария покачала головой. — Она умеет превращать боль в свет. Вера, сочувствие — это её щит. Всегда был, не то что у остальных лийцев. — Она улыбнулась уголками губ. — Такая у неё сила, своя, без мутаций... Может она этому у детей учиться, все 80 с гаком лет? У нас?

— Ага, теперь бы нам обратно этому научиться, — Настя бросила на неё взгляд, в котором вдруг появилась тень старой, почти забытой теплоты. — А ты же тогда всё время меня подначивала. Так и норовила ввязаться в потасовку.

— Ну а что? — глаза Марии блеснули озорными искрами. — Надо было понять, где предел моей регенерации. А ты, со своей скоростью, была идеальным испытателем. И единственной, кто не боялась меня ранить. — Она тихо рассмеялась. — Признай, тебе ведь нравилось. Выпустить пар. Почувствовать себя живой.

— Вот этим я и займусь, — Настя подняла глаза, и в них промелькнул огонь. — Когда найду каждого ублюдка, причастного к этим взрывам. Вот тогда и выпущу пар.

— Как там Света? — Мария осторожно сменила тему. Её голос стал мягче, но в нём всё ещё звучала тревога.

— Хах. Всё рвётся в бой, — Настя откинулась на спинку дивана, уставившись в стерильный потолок. — Слишком уж она на нас похожа. В её возрасте мы тоже не умели ждать.

— На тебя, — поправила Мария. — Это ты всегда бросалась в пекло с голыми руками. А я предпочитала сначала просчитать, а потом взорвать с безопасного расстояния.

— Может, и на меня. Потому я и не хочу, чтобы она повторила мои ошибки. Ещё одна такая же «я» — и «Прометей» не выдержит. Система уже трещит по швам.

— Но учить её всё равно надо, Насть, — Мария подошла ближе, остановилась, скрестив руки на груди. В её позе чувствовалась решимость защитницы. — Вспомни, чем всё закончилось с Колей.

— Давай не будем, — голос Анастасии стал плоским и острым, как лезвие. — Свою дорогу он выбрал сам.

— Его на неё толкнул отец, — тихо, но с нажимом сказала Мария. — Он запретил Коле учиться контролировать свой дар. А ты сейчас делаешь то же самое со Светой. — Она опустилась рядом, плечом к плечу. — Пойми, может, именно она сможет сделать «Прометей» лучше. Не разрушить, а исцелить.

Настя долго молчала.

Тишина в кабинете была вязкой, как густой гель. А за дверью кто-то переговаривался на ходу, стрекотали терминалы, тихо вибрировал воздух.

— Ещё раз: почему мы не арендовали автобус? — голос Татьяны дрожал не столько от ветра, сколько от раздражения. Пальцы судорожно сжимали край балахона, пытаясь спасти тело от пронизывающего до костей холода. — И с чего ты взял, что этому старику можно доверять?

Николай покачал головой. Его единственный живой глаз, тусклый и внимательный, словно радар, прошёлся по обшивке самолёта, отмечая каждую новую вмятину и ржавую полосу.

— Потому что твоя боязнь высоты не стоит потерянного времени, — произнёс он устало, но с привычной твёрдостью. — И прекрати сомневаться в Степаныче. Он ни разу нас не подводил.

— Он — нет, — буркнула Таня, смерив взглядом потрёпанный АН-19, чья обшивка была исчерчена подтёками окислов. — А вот его агрегат когда-нибудь подведёт.

— Так, родственнички! — раздался прокуренный, удивительно грубый для такого щуплого тела голос пилота. — Двигайте тушками внутрь! До Ленинграда — как до Луны, а нам ещё засветло надо добраться.

— Опять чудеса на виражах устраивать собрался? — прищурилась Таня.

— Куда там, молодуха! — с хриплым смехом ответил он. — После твоего визга в прошлый раз у меня иллюминаторы лопаться начали! Глянь — аж паутиной пошли!

Громко хохоча, Степаныч, хромая, направился к самолёту. Протез его ноги коротко зашипел — будто выдохнул старый механический зверь, измученный войной и временем.

От этого звука Татьяна поёжилась.

— Если бы под слоем грязи эти трещины вообще разглядеть можно было, Покрышкин недоделанный, — пробормотала она себе под нос, кутаясь плотнее. Её пальцы непроизвольно скользнули к рукояткам кунай — словно к единственному якорю в нарастающем хаосе.

На долю секунды зелёные кристаллы на её предплечьях вспыхнули слабой пульсацией, отзываясь живым, встревоженным биением.

— Не нуди, — отрезал Коля, подхватывая сумку. — Степаныч три кампании прошёл. Австралия, Судан, Китайско-Японская мясорубка — и из каждой выбрался.

Говорит, в Судане на нём сам черт летал. Так что и нас довезёт.

— Угу, выбрался, — пробурчала Таня, шагая за ним. — А самолётик свой, небось, из той мясорубки и пригнал. На память.

Николай тяжело вздохнул, поправляя ремень снаряжения на плече.

Они поднялись по трапу в тесный, пахнувший гарью и металлом фюзеляж.

Внутри было душно и спёрто, воздух густой, как пыльная вата. Металл стен хранил запах старого страха — будто в швах корпуса всё ещё шептались призраки прошлых боёв.

Единственной «роскошью» оставался камуфляж «Сова», выцветший, но когда-то гордо блестевший под прожекторами ангаров.

— Ты снарягу-то проверил? — спросила Таня, устраиваясь на жёстком сиденье, обитом потёртым коззамом. Тот был холоден и липок от конденсата.

— Да, — коротко ответил Николай.

— Ты не «дакай». Проверь ещё раз.

— Всё в порядке. «Лезвию» можно доверять, — бросил он, садясь рядом.

«"Лезвию" можно доверять. Последние слова, высеченные на надгробии идиота — саркастическая мысль пронеслась в голове Тани. — Он всегда думает кулаками и старыми обидами. А мне потом расхлёбывать.»

— Бандам никогда нельзя доверять, Коля! — процедила она. — Греблины впарят тебе хоть декабрьский ливень, если учуют деньги. А «Прометей» всегда платит.

— Хватит параноить.

— Проверь. Ещё. Раз, — отчеканила Таня.

Самолёт, на удивление бесшумный для такой развалюхи, тронулся по полосе. Корпус задрожал, словно старик в лихорадке.

— Я не хочу, чтобы из-за пары гнилых проводов мне мозги поджарило прямо посреди подвала «Сферы». И я очень надеюсь, что твой «информатор» нас не кинет.

Хотя записи, что Таня вытянула их архивов «Прометей» прямым текстом говорили, что проект Ковалевской хранится в Ленинграде, её не покидало противное ощущение того, что всё идёт не так. Не по плану. Причём этот план был обречён с самого начала.

Где-то в глубине фюзеляжа с сухим треском оторвалась очередная заклёпка.

<i>«Приду рано, ты ещё спать будешь.»</i>

Тишина в квартире давила, словно толща мёртвой воды, нарушаемая лишь навязчивым гулом неоновой вывески за окном, отбрасывающей на стены синеватые, похожие на синяки, тени.

Анастасия стояла на кухне, вглядываясь в записку, зажатую между пальцев. Бумага была измята — словно из этих беззаботных слов отчаянно пытались выжать хоть каплю утешения.

— Опять в «Гарпию», небось, попёрлась, — голос сорвался на хриплый шёпот, адресованный призракам этой пустой квартиры. — Гнездо цифровых крыс...

Ирония, обжигающая, как разряд оголённого провода, ударила в грудь. Настя до смерти ненавидела эти вылазки Светы в подпольный клуб маргиналов. Но это был её якорь. Единственная ниточка, за которую можно было держаться, зная, где сестра проводит ночи, пока она сама пыталась хоть немного удержать страну от сползания в хаос.

Она зажмурилась, прижав костяшки пальцев к векам. Под закрытыми глазами плясали остаточные изображения — сводки о терактах, списки пропавших, голограммы чиновников с их стеклянными глазами.

Ад, отлитый в форму служебных документов.

Полночь она провела в своём кабинете в «Сфере», вгрызаясь в отчёты, и всё, чего доби-
лась, — ещё более глубокого погружения в трясину собственного бессилия.

С чего начать поиски призрака? Как догнать ветер?

Она швырнула контейнер в микроволновку. Агрегат безжизненно писчал, пока Настя машинально выставляла время — как робот на посту, слишком уставший, чтобы даже притвориться живым.

«Ладно, Игатова, давай по полочкам,» — мысль ударила по сознанию привычной, выученной жёсткостью.

«Все взрывы произошли за пределами СОЗ. При том, что эти ублюдки из культа трубят на каждом углу, что они — её плоть и кровь.»

Настя опустила на стул, позволив спине сторбиться под тяжестью дня. Пластик застонал под ней тонким визгом.

«Связей с бандами нет. Отрицают. С нами — тем более, уже бы вычислили. Со складов...» — она мысленно прошла по бесконечным рядам арсенала «Прометей». — *«...ни одной пули, ни грамма взрывчатки с наших складов не пропало. Всё чисто.»*

Писк микроволновки прозвучал, как выстрел. Настя медленно достала контейнер.

Изнутри поднимался пар, лишь на уровне трагической пародии напоминавший запах борща.

Она ткнула ложкой в багровую жижу, пытаясь отыскать кусочки синт-мяса, чья текстура напоминала не то обугленные обрезки ковра, не то высушенную кожу старого протеза.

«Значит, спонсор. Пришлый.— ложка звякнула о дно. — Кто-то со стороны щедро оплачивает их весёлую деятельность.»

Контейнер с глухим стуком лег на стол. В горле поднимался тяжёлый ком осознания.

«Со стороны...»— это словосочетание повисло в воздухе, обрастая ледяными шипами. Оно означало одно из двух: либо старые «друзья» из ООН снова затеяли подковёрную возню — и взрывы всего лишь прелюдия к чему-то большему. Либо... либо это та самая тень, что шевелится в самых глубоких, не картографированных глотках СОЗ.

А это означало лишь одно.

Пришло время.

Время встретиться с Кариной. Единственной «мирной» связью между Прометеем и СОЗ. Лично.

Впервые с тех пор, как ей было восемь, и мир умещался в размеры квартиры и дороги до Голицыно-2.

Когда Пётр Игатов и Дмитрий Вихров ещё стояли по одну сторону баррикад.

ГЛАВА 4

«Гарпия», Москва, близ Павелецкого вокзала

<i>30 октября 2074 года</i><i>, </i><i>03:42</i></i>

Кремль, Москва

<i>30 октября 2074 года</i><i>, </i><i>05:59</i></i>

Москва, проспект Вернадского

<i>30 октября 2074 года</i><i>, </i><i>05:37</i></i>

Дверь захлопнулась за спиной, отсекая какофонию «Гарпии» — оглушительный техно-бит, клубки сизого дыма и неон, впивающийся в сетчатку, как стерильная игла.

Тишина переулка оказалась обманчивой; её нарушали лишь шёпот моросящего дождя и отдалённый гул мегаполиса. Победа в хакерском марафоне оставила на губах Светы едва уловимую тень улыбки.

«Щенки. Думают, кодировка на уровне госбанка — это надёжный заслон. Наша защита Прометей сожрала бы их живьём, даже не поперхнувшись.»

Она привычным движением натянула капюшон, превращаясь в безымянный оранжевый силуэт ночи. В кармане худи лежала щепка с выигрышем — солидная сумма, которой хватило бы на пару месяцев техно-апгрейдов для Кеши.

«Настя, конечно, устроит истерику. Опять. Но, чёрт... видеть ворка за терминалом, который когтями клацает по клавишам... Это дорогого стоит.»

— Эй, оранжевая! Не спеши так! — грубый, сиплый голос прорезал сырую мглу, вынырнув из глубины переулка.

Света замерла, не оборачиваясь. Мысли пронеслись с привычной, вымуштрованной скоростью:

«Двое. Сзади. Метрах в десяти. И один — впереди, у выхода из переулка. Блокируют оба пути.»

— Чего, красотка, совсем одна? — произнёс тот, что шёл на неё спереди, постукивая костяшками по металлической бите — почти игрушечной на фоне его ладони, увенчанной дешевыми кибер-усилителями.

«Драться не вариант. Пойду на того, что впереди, ближе к выходу. Потом резко в сторону — между ним и стеной. Затупят, запутаются. Форы хватит, а там пускай догоняют.»

— Спасибо, парни, программа знакомств у меня на сегодня перевыполнена, — бросила она. Голос звучал на удивление ровно, адреналин растекался по венам, как жидкий азот. Света шагнула вперёд — навстречу фигуре, перекрывающей выход.

— Да мы не знакомиться! Купи нам пару ящиков пива — и гуляй себе на здоровье, — вновь раздался голос за спиной, с той показной «дружелюбностью», что пахнет хуже прямой угрозы.

— Ага-ага, ты ж вроде при бабле, — поддакнул напарник. Света почувствовала, как её собственный выдох превратился в белое облачко на фоне их тяжёлого, учащённого дыхания.

«Всё. Хватит. План Б. Бежать. Сейчас.»

И она рванула — прямо вперёд, на того, что стоял у выхода. Три быстрых, отточенных шага. Она уже почти проскочила, чувствуя, как воздух свистит в ушах... Как бита ударила её по затылку.

Мир перевернулся. Но не от удара. Нет — от чего-то иного. Все звуки разом оборвались, словно кто-то выдернул штекер из розетки мироздания. Свет фонарей, грязное небо, силуэты громил — всё поплыло, закрутилось и погасло. Не в глазах. Вокруг.

Она не упала. Она провалилась. Не на мокрый асфальт — в тишину. Абсолютную, бархатную, давящую. В тьму, что была не отсутствием света, а живой, обволакивающей субстанцией. Она стала тенью — частью мокрого асфальта, грязной стены, самой ночи. Тело Светы будто растворилось, превратившись в сгусток осознания, плывущий в чёрной, безвоздушной реке, спасшую от смертельной раны.

И сквозь эту непроглядную пелену, словно из-за толстого стекла, доносились приглушённые, искажённые голоса:

— Куда она делась?!

— Да не знаю я!

— Узнай, ёп! Не улетела же!

Света рванула вперёд, повинаясь инстинкту выживания, сметающему всё — мысли, страх, боль. Но тень, только что бывшая её укрытием, ожила: холодные, вязкие щупальца тьмы обвили запястья, пытаясь втянуть обратно, в свой безвоздушный омут. Это был не удар, а объятие утопленника, тянущего на дно. И на миг ей почудился в этой тьме сладковатый, гнилостный запах Сребро, смешанный с железным привкусом старой крови.

«Нem!»

Света с силой вырвалась — и мир обрушился обратно: давящий гул города, ледяная влага асфальта, просочившаяся сквозь ткань штанов, и оглушительная реальность, встреченная хриплым вздохом.

Она стояла на коленях. И точно знала, что делать. Она была пугающе спокойна — и это пугало больше, чем крики громил.

Взгляд упал на осколок бутылки, тускло поблёскивавший в грязи. Мысли опередили действия. Не поднимаясь, почти небрежно, она взяла его и тихо свистнула, привлекая внимание. Лица гопников, секунду назад раздутые от наглости и самоуверенности, исказились чистейшим, животным страхом.

Из её глаз, всё ещё затянутых пеленой непроглядной черноты, сочился пар. Не сизый, не серый — тёмный. Абсолютный. Он стекал по щекам чёрными слезами и растворялся в воздухе с лёгким шипением, контрастируя с оранжевым худи.

И тут она рванула вперёд. Как тень, сорвавшаяся с цепи.

В первого стекло впилося со скрипом лопающегося хряща — прямо в горло. Не хруст, не звон — именно влажный, мясной звук, отпечатывающийся в памяти. Из рта парня, вместо крика, вырвалась алая, пенная струя, беззвучно окрашивающая ночь. Его тело ещё не успело понять, что оно мертво — мышцы, застывшие от ярости, остались в нелепом, почти танцующем положении, когда остриё стекла, кровавое и липкое, уже вырвалось из горла. Оно не сверкало — оно дымилось в холодном воздухе, оставляя за собой тонкий алый след.

Для Светланы время сжалось, превратившись в серию чётких, обезличенных кадров. Она не думала — действовала. Будто не по своей воле. Её сознание стало холодным процессором, а тело — идеальным инструментом.

Осколок, с треском, вошёл в висок второго. Негромкий, влажный хруст, словно ломают мокрую ветку. Его глаза, секунду назад полные тупого страха, остекленели, превратившись в ничего не видящие пуговицы.

Рывок. Её тело, пугающе лёгкое, смазанной дугой скользнуло в сторону, и пальцы — холодные, как сталь, — сомкнулись на запястье третьего. Не на бите — на руке, что её держала. Кибер-усилитель заскулил под её хваткой, металл прогнулся с коротким визгом. На землю с глухим стуком упал тусклый, серебряный кристалл. Пальцы гопника разжались сами собой —

от страха и невыносимой боли. Бита, эта игрушка для запугивания, с глухим стуком упала на асфальт — чтобы в следующее мгновение оказаться в её руке.

И тогда переулочек наполнился не криками боли, а симфонией расплаты. Глухой костяной стук по рёбрам. Приглушённый хлюп по мягким тканям. Сдавленный, переходящий в бульканье вой. Мольбы о пощаде, тонущие в хрусте собственных челюстей.

Она не слышала слов. Только фальшивые ноты в этом хаосе. И её задача была — заглушить их. Один за другим. Методично. Без гнева. С холодной, почти хирургической точностью.

Когда она остановилась, дыхание было ровным. Трое тел лежали в грязных, алых лужах — неподвижные, бесформенные. Тёмный пар больше не струился из глаз. Они снова стали ярко-голубыми.

А лицо, по которому каплями стекала чужая кровь, искажил страх.

«Что я наделала...»

Предрассветная мгла за окнами зала казалась финальным аккордом к этой бесконечной ночи. Сергей Волков, в свои сорок три года — самый молодой глава государства в истории Союза, чувствовал каждую секунду этого проклятого совещания.

За бронированным стеклом, на залитой стылым дождём Красной площади, мокрые рабочие уже монтировали гигантские голографические излучатели и красные трибуны для грядущего парада Седьмого ноября. Колоссальные средства сжигались ради красивой картинки величия, пока в этом кабинете делили крохи.

Вокруг стола из полированного карельского гранита мерцали голограммы глав корпораций-преемниц — как упрёк из прошлого.

— ...и в связи с возросшими эксплуатационными расходами в Санитарно-Охранной Зоне, удорожанием логистики и необходимостью модернизации преобразователей энергии на объекте «Полюс-1», корпорация «ГосЭнерго» вынуждена инициировать поэтапное повышение тарифов для населения на двенадцать процентов, — докладывал Утробов.

Волков, откинувшись в кресле, устало провёл рукой по лицу. На его правом виске, там, где кожа срасталась с карбоновым покрытием импланта, вспыхнула и замерцала тонкая голубая линия. В поле его зрения, прямо на сетчатке, возникли цифры — зелёные столбцы квартальных отчётов «ГосЭнерго», алые графики роста дивидендов.

— Пётр Семёнович, давайте срежем протокольную шелуху, — его голос прозвучал ровно, но в нём слышался лёгкий механический отзвук, будто в гортани работал усилитель. — Вы не «вынуждены». У вас есть выбор: снизить дивиденды акционерам на два целых и четыре десятых процента, урезать бонусы руководящего состава на восемнадцать, выбрать подрядчика дешевле на семь процентов — без потери качества. Но вы выбираете самый простой путь — в карманы пенсионера и рабочего.

— Сергей Иосифович, вы упрощаете, — голограмма Утробова дрогнула. — Речь о стабильности всей энергосистемы! О колоссальной нагрузке...

— О колоссальной прибыли, — Волков мельком взглянул в пустоту, считывая новые данные. Свет на виске вспыхнул ярче. — Сорок семь процентов роста от контрактов с Азией, — его голос, усиленный имплантом, прозвучал громче, заполнив зал. — В том числе пятнадцать — от сделки с «Цзюньцзи» по Поясу Роста, и девять — от фармацевтического контракта с «Вайдьяраджа», подписанных три и четыре месяца назад соответственно. Вы думаете, я не видел отчёты? Я их вижу прямо сейчас. Не считая того, что выучил их наизусть, готовясь к этому совету. В отличие от вас, которые в очередной раз просматривали свежие каталоги яхт. — Волков обвёл взглядом голограммы чиновников, — Цены не будут повышены. Они будут снижены — на пять процентов к концу года.

В зале повисло гробовое молчание.

— Сергей Иосифович, вы упускаете стратегический контекст, — вступил Жарков, его голос прозвучал как скрежет брони. — «ГосЭнерго» — ключевой донор оборонных программ. Ослабить его — значит ослабить щит Республик.

Волков медленно повернулся к нему. Свет на виске замигал учащённо, перебирая бюджеты и статьи финансирования.

— А вы каким боком относитесь к энергетике, Анатолий Сергеевич? — металлическое эхо его голоса ударило по барабанным перепонкам присутствующих. — У каждой корпорации свой бюджет, своя зона ответственности. Или вы предлагаете объединить вас в одну структуру, чтобы вы с Утробовым друг другу глотки за кресло во главе перегрызли? Или, может, мне стоит вообще упразднить эту вашу... вольницу и вернуть вас всех под единое крыло государственного управления — без голограмм, без советов директоров, с одним единственным акционером — народом?

Угроза, чёткая и недвусмысленная, повисла в воздухе. Жарков, побагровев, откинулся в кресле.

Не давая никому опомниться, Волков резко сменил мишень. На его сетчатке замелькали новые цифры, а свет на виске вновь замигал, словно бешено колотящееся сердце.

— Переходим к продовольственной безопасности. Татьяна Викторовна, — он обратился к голограмме женщины с жёстким, аскетичным лицом. Главе «ПродСоюза». — Объясните, почему при росте производства синтетического белка на пятнадцать целых и три десятых процента стоимость пайков выросла на восемь?

Министр продкорпорации не смутилась.

— Инфляция, Сергей Иосифович. Удорожание логистики. И... операционные издержки распределения.

— «Операционные издержки», — Волков усмехнулся, и в этом звуке не было ничего, кроме усталости и горечи. На его сетчатке высветились фрагменты доклада ревизионной комиссии. — Это что, новый термин для «карманных расходов» ваших региональных управляющих? Я же вижу отчёт. Вот, например, «надбавка за риск» в размере трёх процентов при перевозке крупы через Урал. Или «логистическая премия» — два процента за доставку в Норильск, хотя тарифы «ТрансСОЗ» за последний год не менялись. — Он встал, опёршись ладонями о стол. — Это прекращается. Сегодня.

Его фигура — молодая и резкая — контрастировала с тяжеловесной обстановкой зала. Свет на виске горел теперь ровным, неумолимым светом.

— Вы все сидите в своих виртуальных крепостях. Думаете, что ваша пирушка будет длиться вечно. А за окном, тем временем, рушится мир. Мир, который вы должны были строить! Вы смотрите на графики прибыли, а я читаю сводки о взрывах в детских домах! Вы считаете проценты, а я — пустые кастрюли в рабочих семьях!

Он вновь обвёл взглядом мерцающие голограммы:

— Реформа, которую нам оставили предшественники, была попыткой спасти экономику, адаптироваться. Но вы превратили её в оружие против собственного народа. Вы ведёте себя как колониальные администраторы на завоёванной территории, а не как слуги государства. Или вы забыли, что ваши лицензии, ваши монополии, ваши преференции — не с неба упали? Их вам выдало государство. И государство же может их забрать.

Волков выдержал паузу, давая словам впитаться. Свет на виске и изображение на сетчатке погасли. Он отключил интерфейс. Теперь говорил только глава государства.

— У вас есть выбор. Лично у каждого из вас. Либо вы к концу года находите резервы для снижения цен и повышения качества жизни, либо я найду тех, кто сможет управлять вашими активами без подобных «операционных издержек». И поверьте, кандидаты уже выстраиваются в очередь.

Он сел. Молчание чиновников стало его тактической победой. Но, откидываясь на спинку кресла, Сергей Волков чувствовал лишь тяжкий груз. Он выиграл битву, но война с системой, пожирающей саму себя, только начиналась. И цена поражения в ней была куда выше, чем в любом отчёте, который мог бы вывести его имплант. Который загорелся снова, осветив сетчатку новыми столбиками данных.

— Далее. Вы хотели высказаться, товарищ Жарков? Высказывайтесь. Но по теме террористических атак на границе СОЗ.

Ключ повернулся в замке с оглушительным скрежетом — словно кто-то вскрывал склеп. Анастасия, уже одетая в кожаную куртку поверх комбинезона «Прометей», застёгивала на запястье термобраслет, когда дверь распахнулась.

— И где это тебя носило до половины шестого? — её голос прозвучал жёстко, натянуто, как струна. Она не обернулась, глядя в голографическое зеркало в прихожей, где отражалась её собственная усталость. — Лучше бы в комнате у себя прибралась, а не по помойкам вроде «Гарпии»...

Она оборвала себя на полуслове. В отражении она увидела сестру.

Светлана стояла в дверном проёме, залитая бледным светом утра. Неподвижная, как привидение. Её оранжевое худи было в грязных разводах; на руках и щеках засохли тёмные, почти чёрные пятна. Но не это заставило Настино сердце сжаться в ледяной ком. Это были глаза. Глаза, в которых плавала абсолютная, бездонная пустота — словно она только что выглянула в открытый космос и увидела там ничто.

— Свет... — имя сорвалось с губ Насти шёпотом.

Она резко развернулась. Все упреки, вся усталость — всё испарилось, смытое ледяной волной адреналина. Она подошла к сестре; её пальцы, привыкшие сжимать рукоятку пистолета, дрогнули.

— Что случилось? — голос Насти стал тише. — Свет, не молчи.

Света попыталась что-то сказать, но из её горла вырвался лишь сдавленный, хриплый звук. Она замотала головой, её пальцы судорожно сжали края худи. Слез не было — был лишь пустой, ничего не видящий взгляд.

«Боже правый... она в ступоре. Полном. Видала таких — после первого боя. Да и сама была такой же...»

— Ты ранена? — Настя схватила сестру за подбородок, быстро осматривая лицо, шею, руки. Ни порезов, ни ссадин. Только чужая кровь, засохшая на коже и одежде. Много крови.

— Они... они подошли... — Света выдавила, запинаясь. — А я... я просто... исчезла. А потом всё как... в тумане... чёрном тумане...

Настя замолчала, впитывая каждое слово. Её взгляд упал на руки сестры. Под тёмными пятнами она увидела царапины — не от ножа, а словно от песка или асфальта.

— Всё, достаточно, — твёрдо сказала Настя, отпуская её. — Пойдём.

Она почти силой притащила Свету в ванную, усадила на краешек ванны, включила воду. Тёплая струя смывала багровые разводы, обнажая смертельную бледность кожи сестры. Настя резкими, отточенными движениями счищала грязь и кровь ватным диском. Её лицо оставалось каменной маской, но внутри всё кричало.

Она вытерла лицо Светы полотенцем, затем встала и принесла из комнаты сестры чистую одежду — простые чёрные штаны и серый свитер.

— Дай сюда своё худи, — приказала она.

Света молча, с покорностью робота, стянула с себя оранжевую ткань, из кармана которой на кафельный пол выпала щепка с каплями крови. Настя свернула одежду в тугой комок и засунула в мусорный пакет. Вещественное доказательство. Его придётся утилизировать в «Сфере».

Она смотрела, как Света дрожащими руками натягивала на себя свитер, и в голове с болезненной ясностью всплыли слова Маши:

«Вспомни, что стало с Колей».

Ошибка Вихрова. Друга их отца. Человека, который всегда хотел больше, чем имел. Он запретил Элеоноре и «Прометею» приближаться к его детям — когда Коле стукнуло тринадцать...

«Коля усиливает оружие. Но каждый раз платит за это частичкой своей плоти — ирами, которые не заживают. Таня чувствует технологии на тактильном уровне, видит коды как физические объекты. Им бы научиться контролировать это... но их отец предпочёл заточить их в четырёх стенах. И ради чего? Чтобы подыграть своим амбициям? Ну вот и получили то, что получили. Одержимого калеку и хакера-анархистку.»

А их с Машей... учили. Сначала Элеонора, потом инструкторы «Прометея». Их не ломали — их направляли. Их сила стала оружием, а не проклятием.

Настя посмотрела на Свету. На её пустой, испуганный взгляд.

«Что же проснулось в тебе, милая?»

Она видела в этом взгляде то же, что когда-то — в глазах Коли: животный ужас перед тем, что живёт внутри.

«Маша была права. Я чуть не совершила ту же ошибку. Пытаясь запереть её — я подписывала ей приговор.»

— Обувайся, — тихо, но не допуская возражений, сказала Анастасия. — Надо ехать.

Света подняла на неё потерянный взгляд.

— Куда?

— В «Прометей». — Настя уже набирала на карманном ЭВМ номер Маши. — Твоё обучение начинается. Сегодня. Прямо сейчас.

Она не могла позволить своей сестре стать ещё одним Николаем. Или, что хуже, стать тем, чего Настя так боится: полностью отдаться силе, с которой не сможет справиться.

ГЛАВА 5

Ленингр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.